

Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО И ОТРИЦАНИЯ НЕДАВНЕГО**

Аннотация. Актуальные глобальные трансформации характеризуются не просто комплексным изменением баланса сил в мировой политике и экономике, но и как минимум частичным изменением архитектуры, организационного каркаса политических и экономических отношений на глобальном и региональном уровне. Отчасти это связано с тем, что в силу объективных и субъективных причин не удалось запустить механизм «договорного» и эволюционного демонтажа геоэкономической американоцентричности, в результате чего эти процессы начали носить не просто политический, а военно-силовой характер. Главным вопросом, однако, является то, насколько в рамках нынешнего цикла трансформаций на глобальном уровне удастся сохранить те надпространственные системы, которые, будучи в основе своей американоцентричными, обеспечивали американоцентричность последней версии глобализации в целом. Возникает любопытная диалектика развития актуальных глобальных трансформаций, говорящая, что одной из их важнейших черт, если не доминирующих, является «откат» к парадигмам развития, характерным для более ранних исторических (социально-исторических и культурно-исторических) эпох, что фактически означает с концептуальной точки зрения разрыв связи не только культурного и политического, но и экономического модерна с доминирующим сейчас в мире коллективного Запада постмодерном. Это предопределяет революционность изменений в организации политических и экономических отношений, в частности возможности разрыва существующих отношений экономической взаимозависимости, а также принципиальную невозможность возврата к ситуации начала 2020-х годов даже при неблагоприятном для стран, придерживающихся антизападных позиций, прежде всего России и Китая, развитии военно-политических процессов.

Ключевые слова: глобализация, надпространственные системы глобализации, неоглобальный мир, постмодерн, архаика, американское доминирование, регионализация

Информация о финансировании: Данное исследование выполнено без внешнего финансирования

Информация об авторе: Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор, НИУ Высшая школа экономики, адрес: Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 11; Российский университет дружбы народов (РУДН), SPIN-код: 8135-4366, ORCID :0000-0002-6276-0342, e-mail: devstafiev@hse.ru,

Цит.: Евстафьев Д. Г. Глобальные трансформации: диалектика преемственности далекого прошлого и отрицания недавнего // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Том 19. №1. С. 37–56. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-1-37-56

© Евстафьев Д.Г., 2024 г.

**GLOBAL TRANSFORMATIONS: DIALECTICS OF CONTINUITY OF THE
DISTANT PAST AND DENIAL OF THE RECENT**

Abstract. Current global transformations are characterized not just by a complex change in the balance of power in world politics and economics, but also by at least a partial change in the architecture and organizational framework of political and economic relations at the global and regional levels. This is partly due to the fact that, due to objective and subjective reasons, it was not possible to launch the mechanism of “contractual” and evolutionary dismantling of geo-economic American-centricity, as a result of which these processes began to have not just a political, but a military-force character. The main question, however, is to what extent, within the current cycle of transformations at the global level, it will be possible to preserve those supra-spatial systems that, being fundamentally American-centric, ensured the American-centricity of the latest version of globalization as a whole. A curious dialectic of the development of current global transformations arises, saying that one of their most important features, if not the dominant ones, is a “rollback” to development paradigms characteristic of earlier historical (socio-historical and cultural-historical) eras, which actually means from a conceptual point of view, a break in the connection of not only cultural and political, but also economic modernity with postmodernity, which is now dominant in the world of the collective West. This predetermines the revolutionary nature of changes in the organization of political and economic relations, in particular the possibility of breaking existing relations of economic interdependence, as well as the fundamental impossibility of returning to the situation of the early 2020s, even if unfavorable for countries with anti-Western positions, especially Russia and China, the development of military-political processes.

Keywords: globalization, supra-spatial systems of globalization, neo-global world, post-modern, archaic, American dominance, regionalization

Funding information: This study was performed without external funding.

Author: Evstafiev D. G., Candidate of Political Sciences, Professor of the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, Higher School of Economics, Professor of the Department of Theory of Law and State, People’s Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow), SPIN-код: 8135-4366, ORCID ID:0000-0002-6276-0342, e-mail: devstafiev@hse.ru

For citations: Evstafiev, D. G (2023) Global transformations: dialectics of continuity of the distant past and denial of the recent // Central Russian Journal of Social Sciences. Vol. 19, no.1, p.37–56. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-1-37-56

ВВЕДЕНИЕ

Кризис глобальной политической и экономической американоцентричности является признанной геополитической реальностью, причем признанной и в кругах западных специалистов, уже давно ставящих вопрос не просто о деградации инструментария глобального влияния США [22], но и о неадекватности, системной недостаточности всего комплекса инструментов американской государственной мощи [18]. Особенность ситуации, однако, такова, что в современном виде глобальные трансформации не могут быть локализованы в какой-то одной сфере деятельности, а неизбежно будут системными, но, вполне возможно, разнонаправленными и разнотемповыми. Однако этот кризис не может сводиться только к кризису американоцентричности: в рамках модели мир-системности [6] и, как результат, особенностей развития связей экономической взаимозависимости в последние 15 лет, вероятнее всего, с момента Мирового финансового кризиса 2007–2009 годов кризис американоцентричности означает напрямую кризис глобализации, ибо вне доминирования США как ядра актуальный формат глобализации не существует.

Крупнейшие американские специалисты постепенно приходят от концепции «плоского мира» [17] и его различных трактовок к пониманию, к признанию неизбежности распада системы американоцентричной глобализации и выработке механизмов управления этим распадом [24]. Исходным моментом в данном случае остается то, что американское экспертное сообщество, очевидно развивая настроения в политической элите, считает, что распад глобализации можно сделать управляемым за счет опоры на американоцентричные надпространственные системы.

Методологические рамки глобальных трансформаций

Базовая методологическая рамка оценки любых значимых трансформаций системы мировых политических и экономических отношений определяется тремя факторами:

– распадом институциональной, то есть во многом «рамочной», структуры мировой политики и размыванием рамок дозволенного в международном экономическом взаимодействии. Это определяет ситуативность определения «допустимого» в политике и экономике, что отчасти и выражено в концепте «мир правил».

Вероятно, это главная дилемма современного этапа исторического развития;

– нарастающей гибридной основными сферами развития, невозможностью разделения политических, экономических и социальных аспектов развития, отражающей состояние кризиса сложившейся архитектуры глобального мира. Феномен гибридности, особенно с точки зрения невозможности развития экономики вне политических и социокультурных приоритетов, становится для США вообще частью политического мейнстрима, хотя и в плане допустимости использования США политических методов для регулирования экономических взаимоотношений, но также, и это очень важно, с точки зрения увязки внутреннего состояния крупнейших стран мира и их внешнеполитических возможностей [23];

– мультипликацией акторов актуальной политики и экономики, в рамках которой ситуативно и локально национальные государства и субгосударственные участники международных отношений могут иметь равный статус. Частным, но очень показательным случаем такой ситуации является октябрьское обострение 2023 года в Восточном Средиземноморье, когда экстремистская общественно-политическая организация ХАМАС и государство Израиль де-факто имели в политическом пространстве равный статус. И это, очевидно, является одним из последствий неспособности США управлять сетевизацией, рассматривавшейся в качестве важнейшего элемента глобализации [19].

Эти три фактора в совокупности определили невозможность дальнейшего поступательного развития мира без слома или как минимум глубокой перестройки сложившейся после окончания холодной войны системы отношений, прежде всего, в политике. Ибо именно политическая архитектура позднеглобального мира была главным сдерживающим фактором развития.

Сочетание трех процессов в определенном пространстве и времени отражает и базовый в методологическом плане подход к политическим и экономическим процессам: попытку отрицания содержания процессов поздней глобализации при сохранении форм и форматов институционализации, характерных для данной исторической эпохи. Этот процесс впервые обозначился в постковидный период и был политически проявлен в концепте

«инклюзивный капитализм», теоретически призванном заместить прежний – «давосский консенсус» [16], однако по многим причинам, в том числе и из-за антиросийской кампании на Западе, полноценной реализации новая модель не получила. В результате запрос на отрицание только усилился, подведя ситуации в странах «метрополии глобализации» к грани системного социально-политического кризиса.

Этот процесс впервые обозначился в постковидный период и был политически проявлен в концепте «инклюзивный капитализм», теоретически призванном заместить прежний – «давосский консенсус» [16], однако по многим причинам, в том числе и из-за антиросийской кампании на Западе, полноценной реализации новая модель не получила. В результате запрос на отрицание только усилился, подведя ситуации в странах «метрополии глобализации» к грани системного социально-политического кризиса.

Нельзя в данном случае пройти мимо методологически значимого понятия «мировой порядок», некоей рамки для оценки нами масштабов и глубины геэкономических трансформаций. Понятие «мировой порядок», многократно обсуждавшееся в отечественной [14] и мировой [10, 11] научной литературе, воспринимается часто только во внешнеполитическом контексте. В действительности под термином «мировой порядок», прежде всего, подразумевается глобальная геэкономическая и геополитическая архитектура. Изменение этой архитектуры является сердцевиной текущих политических и экономических процессов на уровнях «мир – страна – регион», связанных с противодействием различных сил американскому концепту «порядок, основанный на правилах». Но одновременно нельзя не отметить, что феномен «мировой порядок» является в определенной мере антитезой «международному праву», что также отмечалось некоторыми исследователями [3]. Феномен порядка в различных трактовках, в том числе как часть американоцентричной глобализации, создавшей избыточные взаимозависимость и гибридность политических, экономических и социокультурных факторов, должен стать предметом отдельного исследования. Для нас же принципиальным является констатация, что именно трансформации «порядка» – архитектуры общемировой политики и экономики – установят фактические рамки более частных изменений в политике, экономике, социокультурной сфере.

Нынешние пространственные геополитические и геоэкономические трансформации осуществляются с целым рядом особенностей:

– Трансформации осуществляются при сохранении политических и экономических рудиментов периода американоцентричной глобализации, таких как глобальные финансы, информационное общество и в значительной мере международная торговля. Фактически трансформации сокращают пространство американоцентричности. Это дает США серьезные возможности управления конфликтным потенциалом и создало в американских элитах иллюзию возможностей «управления хаосом», в особенности характерную для периода 2021–2023 годов. Наличие этой иллюзии, а не трезвая оценка возможностей и ресурсов обусловило многие действия военно-политического руководства США, фактически загнавшие Америку в стратегический тупик двух с половиной военно-силовых конфликтов, каждый из которых к октябрю 2023 года имел потенциал перехода от «гибридного» формата к прямому военно-силовому столкновению. Нереалистичность мировосприятия американскими элитами формирующегося неоглобального мира полностью проявилась в завязке конфликта на Ближнем Востоке в сентябре–октябре 2023 года.

– Трансформации осуществляются со значительными временными диспропорциями, «по частям». В ряде регионов (Причерноморье, Средний Восток, Африка) ситуация уже вышла в фазу пространственных трансформаций, в других (например, в Центральной Азии, Латинской Америке) пока еще она находится в фазе демонтажа политического наследия предыдущей геополитической эпохи. Можно говорить о том, что нынешний период в развитии мировых политических и экономических отношений масштабирует отмечавшиеся многими западными специалистами непреодолимые противоречия зрелой и поздней глобализации, в частности проблему социально-экономического неравенства [12], на другие сферы, фактически институционализируя их, формируя на их основе внешне выглядящие самобытными модели развития.

– Трансформации осуществляются на принципиально различных, во многом концептуально конкурирующих между собой социальной и экономической основах – от сверхлиберализма до глубоко интрузивных методов управления экономическими процессами.

Универсальность моделей развития, вероятно, утрачивает актуальность практически на наших глазах. Но это означает неизбежность в среднесрочной перспективе (через 15–25 лет, в результате смены социально вовлеченных поколений), что **межгосударственная конкуренция перестанет быть «внутривидовой» и станет «межсистемной»**, что будет иметь существенные последствия с точки зрения дальнейшего развития системы международных отношений, поскольку межвидовая конкуренция в современном мире неизбежно будет сопряжена с конкуренцией и на уровне моделей социального и, что не менее важно, социокультурного развития.

– Сфера социокультурного развития постепенно становится одной из важнейших сфер межсистемной конкуренции. Мы наблюдаем первую фазу проработок «образов будущего» крупнейшими мировыми игроками (это было особенно очевидно осенью 2023 года), что говорит о постепенной подготовке крупнейших игроков к стадии «восстановления» от стадии деструкции. Это логично, учитывая, что универсальный «образ будущего» и, соответственно, его атрибуты, включая социокультурные, были в последние годы разрушены, что также явилось отрицанием ранее господствовавших тенденций интеграции различных социокультурных «слоев» и конструированием некоей «преемственности глобализации» [7].

– Мы наблюдаем очевидное отрицание социальной и социокультурной, в чем-то даже эстетической универсальности и возврат к относительно далекому прошлому, - моделям первой половины - середины XX века. Эту эпоху можно было бы с полной ответственностью назвать начальной фазой «конкуренции политических эстетик» [1].

Эта парадигма на определенном этапе может начать вновь формировать основу для идеологических конструктов. Политическое управление атомизированными обществами через каскадирование нарративов (расширенных и адаптированных «смыслов») [9] становится недостаточным в актуальных контекстных условиях. И мы наблюдаем в ряде развитых демократий условно западного типа попытку перехода к более жестким механизмам управления, построенным на трансформации «смыслов» в императивные, фактически протоидеологические элементы влияния.

Пока по значимости данный аспект развития трансформаций существенно уступает этнорелигиозному противоборству, в основе своей при всех особенностях остающемуся как раз «противоборством смыслов» (см. табл. 1), но в долгосрочной перспективе это направление может стать важнейшим.

Трансформации реализуются в условиях нарастающего правового и политического вакуума, фактического разрушения «рамки допустимого» в межгосударственной конкуренции. США и коллективный Запад политически мотивированными действиями как в отношении России, так и в отношении других стран разрушили международное право. Глобальной опасностью «мира правил», предлагаемого взамен, является не только его американоцентричность и политическая мотивированность, но и неcodифицированность, правовая флюидность, зависимость применимости «правил» от конкретной обстановки. Одним из аспектов грядущих глобальных трансформаций, хотя вряд ли он будет определяющим в период 2024–2025 годов, станет **конкуренция различных политически сформулированных норм поведения в мировой политике и экономике за право стать основой для обновленной системы международного права**. Этот аспект уже сейчас проявляется в процессе формирования конкурирующих экономических систем (BRICS, G20, Индо-Тихоокеанское сообщество, «Турецкий мир»). В дальнейшем эта конкуренция может быть перенесена в сферу политического и гуманитарного взаимодействия. Международное право как комплексный политико-правовой феномен сохраняется преимущественно как политико-пропагандистская конструкция, и даже те страны, что его используют на практике, демонстрируют существенно более гибкий, гибридный подход, совмещающий, во всяком случае, на уровне политической риторики апелляцию к международному праву и сравнительно жесткий военно-силовой реализм при решении конкретных задач.

Трансформации носят политико-силовой характер, что признается даже сторонниками сохранения глобальной американоцентричности¹. Дальнейшее развитие только в формате институтов и «мягкой силы» не представляется возможным, хотя этот аспект яв-

---

¹ Secretary Antony J. Blinken Remarks to the Johns Hopkins School of Advanced International Studies (SAIS) "The Power and Purpose of American Diplomacy in a New Era" - United States Department of State <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-remarks-to-the-johns-hopkins-school-of-advanced-international-studies-sais-the-power-and-purpose-of-american-diplomacy-in-a-new-era/>

ляется просто развитием ранее обозначившихся тенденций. Новым моментом является существенное расширение пространства силовой политики и в особенности силовой экономики. Рубежным эпизодом, сформировавшим окончательно новую модель конкуренции с существенно большим значением военно-силовых средств, стал, безусловно, взрыв в сентябре 2022 года газопроводов «Северный поток», значительно изменивший геоэкономическую картину важнейшего с экономической точки зрения региона – большой Европы – и продемонстрировавший допустимость и безнаказанность силовых действий в отношении объектов гражданской инфраструктуры, даже если они имели серьезные социальные и экологические последствия, не говоря уже об экономических. Правомерно сказать, что именно взрыв «Северных потоков» и сформировал актуальные на нынешний момент «рамки дозволенного» в глобальной политике: изменение ситуации будет отмеряться в числе прочего по увеличению или сокращению готовности наиболее влиятельных глобальных сил использовать военно-силовые методы в экономических целях.

Отрицание глобализации как способ трансформации

События конца 2021 – 2023 года могут быть определены как инструментальная революция в мировой политике, ставшая результатом разрушения «рамки дозволенного» в мировой политике и экономике, определявшихся не столько формально (в рамках т. н. международного права, становившегося более мозаичным и ситуативным), но по умолчанию, в силу понимания крупнейшими игроками мировой политики и экономики опасности дестабилизации существующего режима взаимодействия в различных сферах.

Разрыв, произошедший в системе международных отношений в 2021–2022 годах, целесообразно оценить как результат нарастания противоречий внутри «мира глобализации», связанный с невозможностью ее адаптации к новым геополитическим реалиям, отражает в числе прочего и неготовность американской элиты к отходу от жесткой американоцентричности в политике и от доллароцентричности в экономике.

Отсутствие готовности к эволюционным трансформациям создало запрос на революционные по форме изменения, которые при иных условиях могли бы быть осуществлены эволюционно. А, как результат, **ситуация прошла по пути отрицания невозможности**

крупного военно-силового конфликта («конфликта средней интенсивности»). Вероятно, это главное изменение с точки зрения «отрицания» внутреннего содержания глобализации. Его важность заключается в кардинальном изменении механизмов управления трансформации, в допущении совершенно иного уровня насилия, включая и выход за рамки чисто гибридного конфликта.

Базовой гипотезой становится следующее авторское предположение: *строительство постглобального, а вернее, неоглобального мира в актуальных условиях возможно только через «откат» к моделям допостиндустриального постмодерна, прежде всего, в области организации социальной и финансово-инвестиционной составляющей глобального мира. Это будет означать демонтаж большей части систем глобализации, включая и значительную часть надпространственных систем. Но такой «откат» подразумевает не просто существенно более высокий уровень межгосударственной/межсистемной конкуренции, но и перестройку системы управления внутригосударственным/внутрисистемным социально-экономическим развитием.*

Без такого «отката», осуществляемого на различную глубину и с использованием различных инструментов, полноценная геоэкономическая регионализация невозможна, что означает продолжение существования в мире деградирующего постмодерна с анклавными вкраплениями архаики внутри постмодерна. Попытки же вывести часть пространства мировой политики и экономики за пределы деградирующего американоцентричного постмодерна будут всегда ограничиваться влиянием американоцентричных надпространственных систем. Иными словами, **без демонтажа базовых элементов архитектуры мира поздней – жестко американоцентричной – глобализации, формирование неоглобального мира не будет носить устойчивого характера**, порождая в силу гибридного характера большинства политических и экономических процессов и высоких возможностей внешних манипуляций системную нестабильность.

Произошедшее в последние полтора-два года принципиально отличается от ранее считавшейся наиболее реальной модели военно-силовых трансформаций через относительно незначительные по масштабам и экономическим последствиям военно-силовые противоборства. Косвенно именно эта уверенность в не-

---

возможности крупного регионального конфликта и привела к тому, что как минимум в контексте конфликта на Украине не сработали все основные механизмы ограничения эскалации, выйдя за рамки гибридной войны еще весной 2023 года.

Революционность перехода к пространственности определяется еще и тем обстоятельством, что мы в обозримой перспективе, безусловно, будем иметь дело с пространственностью совершенно иного типа, существенно отличающейся от привычной, «классической» экономической и политической географии. Наряду с принципиальным изменением экономической географии, что в целом признается в экспертном сообществе [8], вызвавшим к жизни формирование новых экономических субрегионов (наиболее значимым из них стало Северо-Западное Причерноморье, но необходимо отметить и Восточное Средиземноморье, отличающееся по механизмам развития от Ближнего Востока в целом, – исторический регион, вернувшийся на мировую арену), важным процессом становится формирование новой политической географии, что пока еще в достаточной мере не оценено [15]. Феномены, подобные «глобальному Югу» (которому не противостоит «глобальный Север»), «Запад на Дальнем Востоке» (AUKUS), «Большая Америка» с всё более неясными границами, «Большая Евразия», захватывающая и регионы, не относившиеся к постсоветскому пространству, демонстрируют устаревание традиционного геополитического деления, актуального последние 150 лет, начиная с «большой игры» России, Франции и Великобритании в 1870-е годы и вплоть до 2022 года. Возможность политической и военно-политической институционализации подобной новой политической географии будет одним из важнейших индикаторов глобальных тенденций на «мировом барометре». Институционализация новой геополитической среды станет решающим фактором в выстраивании обновленной системы международных глобальных и региональных институтов и их взаимоотношений. Но вряд ли эта среда будет чисто иерархической.

Наконец, важнейшим аспектом отрицания недавнего прошлого, поздней глобализации и возврата к историческим эпохам, предшествующим ей, является выход проблематики идентичностей на первый план как фактора, формирующего военно-политическую ситуацию в мире, а не только определяющего со-

---

циокультурное развитие. Все как объективно возникающие, так и сконструированные военно-силовые конфликты последнего времени имеют в своей основе этнорелигиозные факторы, отсылающие нас самое раннее к временам формирования индустриального модерна, а, как правило, к архаике.

Предположения, свойственные позднеглобальному миру, подобные конфликты идентичностей трансформируются в социальные противоречия и могут быть купированы опережающей социальной модернизацией, опровергаются развитием событий в 2020 - 2023 г.г.

И, вероятно, эта ситуация сохранится как минимум на период 2024–2025 годов, а в зависимости от развития событий в ключевых регионах мира – и на более длительный срок.

Вместо заключения

Подводя итог, констатируем кризис практически всех опорных точек глобального мира, при котором сохранение его архитектуры вряд ли возможно в принципе. Таким образом, отрицание глобализации является естественным процессом, обусловленным деструктивным характером социальных и экономических процессов поздней американоцентричной глобализации, что осознается всё большим числом региональных и национальных элит. Они готовы признавать форматы и политические институты американоцентричной глобализации, но пытаются найти механизмы ограничения влияния на развитие социально-экономической сути глобализации. Это начинает происходить уже внутри «ядра глобализации», например, в отдельных странах Европы.

Кризис глобальной политики и экономики будет, очевидно, системным. Но простое возвращение к политическим и экономическим парадигмам прошлого принципиально невозможно в силу развития технологий и эффекта социальной «памяти» [2], сохраняющегося, несмотря на масштабные информационно-политические манипуляции последних десятилетий, связанные с попытками «управления Историей».

Отметим, впрочем, что «управление Историей» в условиях условного «отката к прошлому» становится важнейшим инструментом управления «образами будущего», поскольку «рубеж отката» во многом будет определяться выбором эпохи золотого века, различной не только для каждого государства, но и для каждого относительно устойчивого сегмента общества.

Таблица 1 – Масштабы прогнозируемого «отката» в процессе «отрицания отрицания» американоцентричной глобализации
 Table 1 – The scale of the predicted “rollback” in the process of “denial of the negation” of American-centric globalization

Элемент политики	Статус поздней глобализации	Тенденции	Прогнозируемый «рубеж отката»	Примечание	Особенности России и Евразии
Глобальная экономическая взаимозависимость	Минимизация возможностей геоэкономического маневра	Использование глобальной взаимозависимости в качестве оружия	Разная глубина «отката» – от региональных социальных-экономических комплексов (1960-е годы) до факторий (XVIII – XIX века)	Прогноз крайне затруднен невозможностью предсказания глубины экономического кризиса. Наиболее очевидное направление развития – регионализация связей экономической взаимозависимости	Существенно сниженный уровень технологической взаимозависимости и зависимости по импорту дает возможность эволюционной трансформации систем взаимозависимости
Военно-политическая безопасность	Распад классических механизмов военно-силового «сдерживания» (как ядерного, так и не ядерного)	Достижение пределов гибридизации противостояния между крупнейшими государствами	Середина XX века: коалиционные войны	Отмечается понимание необходимости восстановления норм поведения в военно-политической сфере. Толчок дала ситуация на Ближнем Востоке. Процесс тормозится неготовностью США к самоограничению в военной сфере	Распад систем коллективной безопасности, созданных после распада СССР, возникновение «вакуума безопасности»
Обеспечение экономических интересов	Экономическая десоверенизация. Появление негосударственных систем как игроков глобального уровня	Силовая геоэкономика как «новая норма», хотя и относительно редко применяемая	Конец XIX – первая половина XX века: политически мотивированные экономические союзы вокруг важнейших маршрутов транспортных коммуникаций	Формирование конкурирующих экономических коалиций пространственного характера на различной основе (трансрегиональных, региональных и «поясных»), предусматривающих частичную экономическую десоверенизацию. Параллельно усиление запроса на технологический суверенитет	Отсутствие единой модели и единого видения проблематики. Нарастающая геоэкономическая разновекторность

Эти сегменты могут быть далеко не однородны ни с ценностной точки зрения, ни в плане организации социально-экономических связей [4]. Эффект распада «связи времен» с модерном как источником новых смысловых, а возможно, уже и протоидеологических конструкторов будет не линейным и не абсолютным, а проявится

локализовано со значительными «искажающими» элементами, связанными как с особенностями пространства исторического (например, вероятно, так будут происходить трансформации в Евразии) или конкретного социального, возможно, анклавно-социального пространства (по этой модели вполне может пойти развитие в современной Европе), учитывая нарастающую степень социальной и социокультурной атомизации.

С точки зрения разработки проблематики развития неоглобального мира на будущее представляется возможным сформулировать следующие принципиальные вопросы.

Первое. Если согласиться с гипотезой об «откате» к прошлым моделям развития, включая в особенности модели геоэкономической архитектуры мира, то базовым процессом ближайшего будущего будет противоборство между деградирующим, но всё еще глобальным постиндустриальным и пред-постиндустриальным постмодерном и локальными вариантами неомодерна, усиление которых может происходить в основном за счет поглощения пространственных, но не секторальных «серых зон», возникающих в результате сокращения «ареала глобализации». При этом иницирующим механизмом поглощения этих «серых зон» будут военно-силовые инструменты (табл.1).

Второе. Различная глубина «отката» по наиболее значимым, системообразующим направлениям глобализации не просто создает эффект сосуществования в рамках распадающейся глобальной системы неомодерна и архаики, но способствует возникновению феномена конкуренции между деградирующим постмодерном и агрессивной архаикой внутри одного и того же пространства. Главным авторским предположением является то, что деградирующий постмодерн сам по себе порождает и социально легализует (как это происходит в Европе) внутри своего «пространства» агрессивную социальную и социокультурную архаику, разъедающую его изнутри.

Третье. Акцент на ценностном, а в ряде случаев на цивилизационном противоборстве как основе межгосударственной конкуренции не вполне корректен. В актуальном нам мире не существует полноценных и геополитически мобильных «цивилизаций», способных в полной мере реализовать сценарий «столкновения цивилизаций» как инструмент передела мира.

Таблица 2 – Направления прогнозируемого «отката» в наиболее значимых сферах развития человечества в процессе «отрицания отрицания» американоцентричной глобализации

Table 2 – The direction of the predicted “rollback” in the most significant manifestations of human development in the process of “denial of the negation” of American-centric globalization

Элемент политики	Статус поздней глобализации	Тенденции	Прогнозируемый «рубеж отката»	Примечание	Особенности России и Евразии
Национально-государственный суверенитет	Сосуществование тенденций де-суверенизации и восстановление классического пространственно-го, «вестфальско-го» суверенитета	Осознание суверенитета в качестве монетизируемой ценности	Начало XX века (после Первой мировой войны): формирование системы «спутельных» коалиций вокруг крупнейших держав мира с различным уровнем суверенитета «малых» стран	Попытки институционализации на базе отношения к национально-государственному суверенитету	Россия находится в зрелой фазе суверенизации. Важной точкой уязвимости остается отсутствие полноценного экономического суверенитета
Внутренняя (национальная) экономика	Кризис моделей роста с опорой на общество потребления	Нарастание тенденций «ручного» управления – администрирования экономики с опорой на политические приоритеты	Разновекторность «отката» – от государственно-монополистического капитализма начала XX века до радикального («чистого») капитализма второй половины XIX века	Перспектива реализации новой глобализации на различных макроэкономических основах. Возможность возникновения локальных производственно-технологических центров («промышленных факторий»)	Несмотря на наличие политического решения, модель внутреннего экономического развития отстает от процессов политических трансформаций
Модель социального развития	Распад социальной универсальности в результате неограниченной социальной атомизации	Кризис системы «социального государства». В ряде случаев попытка демонтажа	Первая половина XX века: демонтаж социальных государств 1970-х годов, однако с сохранением ряда социальных гарантий	Фундаментальный кризис идей «общественного договора» как принципа организации общества. Возможность возникновения локальных (США, Латинская Америка) капитализмов	Сохранение прежней модели социального развития, несмотря на глубокое изменение социальной структуры общества
Социокультурное развитие	Сосуществование различных социокультурных средств в одном пространстве	Социальная атомизация в городском пространстве против агрессивной сельской архаики и ее анклавов в городах	Первая половина – середина XX века: деградирующий модерн с анклавными вкраплениями постмодерна и разрастающейся архаикой внутри и постмодерна	Интеграция глобальной социокультурной среды осуществляется за счет полной американоцентричности информационного общества	Разновекторность социокультурного развития даже в рамках одного и того же пространства. Утрата советской социокультурности в большинстве периферийных пространств
Соционидеологические конструкции («смыслы»)	Виртуализация и социальное выхолащивание классических идеологий и замена их упрощенными конструктами	Формирование глобального смыслового вакуума, заполняемого ситуативными конструктами	Придание «смысла» императивности. Различная глубина «отката» в различных регионах. Вплоть до уровня «идейного мистицизма» второй половины XIX века. Актуализация организационных форм, характерных для XIX века (кружки, секты и проч.) с учетом фактора виртуализации	Существуют локальные и псевдоглобальные идеологические конструкции. Наблюдается эффект «пиковой» идеологической истероидности. Пример: конфликты вокруг Украины и на Ближнем Востоке	Направленность идеологий в прошлое. Формирование конкурирующих идеологических конструкций на основании конкурирующих воспоминаний о золотом веке

«Столкновение цивилизаций», так как этот принцип был сформулирован в середине 1990-х годов [21], трансформировалось в механизм «прорастания» одной цивилизации сквозь другую, в том числе и в форме упоминавшейся выше социокультурной архаики.

Рискнем утверждать, что традиционные «цивилизации» существуют в настоящее время в сильно искаженной форме, постепенно утрачивая важнейшие базовые акценты. В реальности **трансформации актуального мира развиваются в двух соприкасающихся плоскостях: с одной стороны, возникает ярко выраженная конкуренция политических эстетик, включая и форматы политических коммуникаций, с другой – формирование принципиально различного понимания допустимого уровня делегирования экономического суверенитета.** Но цивилизационное противоборство будет проявляться и в обозначении желаемого «рубежа отката», в той или иной степени соответствующего понятию «золотой век», характерному для конкретных сообществ.

Четвертое. Перерастание геоэкономических трансформаций и вытекающих из этого в ту или иную форму особенностей политического и экономического цивилизационного противоборства выглядит неизбежно, однако оно вряд ли будет иметь характер революционного взрыва. Скорее, мы столкнемся с неким культурно-политическим эффектом общефилософского закона перехода количества в качество, результирующего в появление устойчивых пространственно реализованных систем, основанных на общих культурно-эстетических и нравственных нормах, но отличающихся от классических цивилизаций, вероятно, с точки зрения роли и места религиозного и исторического фактора. Иными словами, принцип принадлежности к «земле», вероятнее всего, будет в качестве централизованного элемента, важнее, чем принадлежность к «вере», на чем базировались «цивилизации» в классической интерпретации.

Библиография:

1. Аватков В., Останин-Головня В., Дихотомия «Восток-Запад»: Идеино-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120. EDN: АНТGPI
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. – 3е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 328 с.

3. Бауринг Б. Деградация международного правового порядка? Реабилитация права и возможность политики. Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 392 с.
4. Бредникова О. и Абашин С. (ред). «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 520 с.
5. Боим С. Общие места. Мифология повседневной жизни. 2е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 320 с.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. Пер. с англ., Вступительная статья и прил. Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
7. Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. Постглобальная модель социального развития: диалектика преемственности и отрицания // Век глобализации. – 2022. – № 1 (41). – С. 42–54. EDN: GKMRKE
8. Ергин Д. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. Пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. – 444 с.
9. Кастельс М. Власть коммуникации. Под научной редакцией А.И. Черных. Пер. с англ. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. – 564 с.
10. Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. – М.: АСТ, 2017. – 312 с.
11. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. Пер. с англ. М. Дадяна. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 240 с.
12. Стиглиц Дж. Великое разделение: Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99 % населения. Пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2016. – 480 с.
13. Тренин Д. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М.: Альпина Паблшер, 2021. – 471 с.
14. Уткин А.И. Новый мировой порядок. — Москва: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 640 с.
15. Филатов М.С. Политическая практика применения принципов права народов на самоопределение и территориальную целостности государства // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17. – № 6. – С. 67–86. EDN: MQXRWO

16. Шваб К., Вэнхэм П. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. Пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2022. – 352 с.
17. Friedman T. The World is Flat. NY: Farrar, Straus and Giroux. 2005. - 488 p.
18. Gates R. M. The Dysfunctional Superpower. Can a Divided America Deter China and Russia? Foreign Affairs, November-December 2023. Published on September 29, 2023.– URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/robert-gates-america-china-russia-dysfunctional-superpower>
19. Giddens A. 2003. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. NY: Routledge. - 104 p.
20. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake. Foreign Affairs. January-February. 2019. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg>.
21. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York, Simon&Shuster, 1996. - 367 p.
22. Nye J. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. Foreign Affairs, January, 24, 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
23. Sullivan J. «The Sources of American Power. A Foreign Policy for a Changed World»//Foreign Policy, November/December 2023Published on October 24, 2023. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/sources-american-power-biden-jake-sullivan>
24. Zeihan P. The end of the world is just the beginning. Mapping the Collapse of Globalization. – New York: HarperCollins Publishers, 2022. - 498 p.

References:

1. Avatkov, V., Ostanin-Golovnia, V. (2022) Dikhotomiia «Vostok-Zapad»: Ideino-tsennostnoe izmerenie mirovoi politiki. *Svobodnaia mysl'*. No. 3 (1693), p. 115-120. EDN: AHTGPI
2. Assman, A. (2023) Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika. Per. s nem. – 3e izd. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p.
3. Bauring, B. (2021) Degradatsiia mezhdunarodnogo pravovogo poriadka? Reabilitatsiia prava i vozmozhnost' politiki. Per. s angl. – M.:

Novoe literaturnoe obozrenie, 392 p.

4. Brednikova, O. i Abashin. S. (red). (2021) «Zhit' v dvukh mirakh»: pereosmysliiaia transnatsionalizm i translokal'nost'. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p.

5. Boim, S. (2023) Obshchie mesta. Mifologiya povsednevnoi zhizni. 2e izd. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, – 320 p.

6. Vallerstain. I. (2018) Mirosistemnyi analiz: Vvedenie. Per. s angl., Vstupitel'naia stat'ia i pril. G.M. Derlug'iana. Izd. 2-e, ispr. – M.: URSS: LE-NAND, 304 p.

7. Evstaf'ev, D.G., Tsyganova, L.A. (2022) Postglobal'naia model' sotsial'nogo razvitiia: dialektika preemstvennosti i otritsaniia. Vek globalizatsii. №1 (41). – p. 42–54. EDN: GKMRKE

8. Ergin, D. (2021) Novaia karta mira: Energeticheskie resursy, meniaiushchiisia klimat i stolknovenie natsii. Per. s angl. M.: Intellektual'naia literatura, 444 p.

9. Kastel's, M. (2016) Vlast' kommunikatsii. Pod nauchnoi redaktsiei A.I. Chernykh. Per. s angl. – M.: Izdatel'skii dom NIU VShE, 564 p.

10. Kissindzher, G. (2017) Mirovoi poriadok. Per. s angl. M.: AST, 312 p.

11. Kuper, R. (2010) Razdor mezhdu narodami. Poriadok i khaos v XXI veke. Per. s angl. M. Dadiana. M.: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, 240 p.

12. Stiglits, Dzh. (2016) Velikoe razdelenie: Neravenstvo v obshchestve, ili chto delat' ostavshimsia 99 % naseleniia. Per. s anl. – Moskva: Eksmo, 480 p.

13. Trenin, D. (2021) Novyi balans sil. Rossiia v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiia. M.: Al'pina Pabliher, 471 p.

14. Utkin, A.I. (2006) Novyi mirovoi poriadok. — Moskva: Algoritm, Eksmo, 640 p.

15. Filatov, M.S. (2022) Politicheskaia praktika primeneniia printsipov prava narodov na samoopredelenie i territorial'nuiu tselostnosti gosudarstva. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. T. 17. № 6. p. 67–86. EDN: MQXRWO

16. Shvab, K., Venkhem, P. (2022) Kapitalizm vseobshchego blaga: novaia model' mirovoi ekonomiki. Per. s angl. – Moskva: Eksmo, 352 p.

17. Friedman, T. (2005) The World is Flat. NY: Farrar, Straus and Giroux. 88 p.

18. Gates, R. M. (2023) The Dysfunctional Superpower. Can a Divided

America Deter China and Russia? *Foreign Affairs*, November/December 2023. Published on September 29. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/robert-gates-america-china-russia-dysfunctional-superpower>.

19. Giddens, A. (2003). *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. NY: Routledge. - 104 p.

20. Haas, R. (2019) *How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake*. *Foreign Affairs*. January/February. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg>.

21. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York, Simon&Shuster, 1996. - 367 p.

22. Nye, J. Jr. (2018) *How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence*. *Foreign Affairs*, January, 24, 2018. Internet source. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

23. Sullivan, J. *The Sources of American Power. A Foreign Policy for a Changed World*. *Foreign Policy*, November/December 2023. Published on October 24, 2023. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/sources-american-power-biden-jake-sullivan> (data obrashcheniia:

24. Zeihan, P. (2022) *The end of the world is just the beginning. Mapping the Collapse of Globalization*. – New York: HarperCollins Publishers- 498 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 17.01.2024.

Принята к публикации (Accepted) 28.02.2024.